

22 МАЯ 2001 ГОДА

Исповедальное

Как пепел Клааса

На презентации своей книги «**Рассказы старого трепача**» в издательстве «**Новости**» **Юрий Петрович Любимов** был весел, улыбка, доброжелателен, обстоятельно и откровенно отвечал на задаваемые вопросы, отшучивался, если не хотел говорить о чем-то сугубо личном. От прежнего колючего, жесткого, нетерпимого Любимова, каким он был на протяжении трех десятков лет борьбы с советской властью, за последние три-четыре года не осталось, казалось бы, и следа. Хотя все-таки определение «трепач» как-то не вязалось с кипучей натурой собранного, целеустремленного, не дающего себе роздыха трудолика. На встречах с прессой Юрий Петрович часто напоминает о своих годах, как будто даже слегка кокетничая этим, но, ей-Богу, ни один молодой, много ставящий режиссер не сравнится с Любимовым по количеству выпущенных за год спектаклей на разных сценах мира. Феноменальная работоспособность, возможная только при жесточайшей самодисциплине. Трепачу такого не дано.

С этими мыслями раскрыла книгу. И оказалась права. Шутейное название скрывало горчайшую исповедь, вылившуюся на страницы сбивчивым потоком сиюминутных дневниковых записей, обрывочных воспоминаний, писем, официозом протоколов и стенограмм, постскриптумами прямых обращений к сыну, которому, как и жене Катерине, посвящена эта книга. Какие уж тут «рассказы старого трепача!» Тут крик души, вопиющей в пустыне, голос, взывающий к людям, которые не могут, не способны этот крик услышать. А что до «трепа», то да, партройка анекдотов из совкового прошлого наличествует. Однако же в потоке горечи и оскорбленного самолюбия (а оно у Любимова кровоточит и по сию пору) секундное балагурство погоды не делает.

Уже само разделение книги на три части - «Я», «Мы», «Они» - не оставляет сомнений в авторской позиции. Это черно-белый мир. «Они» для автора навсегда остались на той, черной его половине. «Я» и «Мы» - его белая сторона, но и она во многом омрачена событиями отнюдь не радостного свойства. А есть еще предисловие или как бы предисловие: семьдесят пять страниц дневниковых записей, отрывочных, с вкраплением писем, отражающих географию любимовских странствий 1983 - 1992 годов, - Лондон, Вена, Болонья, Эдинбург, Кельн, Милан, Флоренция, Феррара, Хельсинки, Америка... У этого «предисловия» странное название - «Тетрадь, обокрашенная голубями». По заверению автора, его надо воспринимать впрямую: сидел в саду под ореховым деревом в Будапеште и писал, а голуби какали на тетрадь. Но это объяснение для простачков. Иначе зачем было бы добавлять к нему Р. С. «Это все Пикассо нарисовал своего голубя мира, и все умиляются, а вообще-то, весьма скверная птица. Вы когда-нибудь видели, как они заклеивают слабейшего или приболевшего - нет? - поглядите». Ну, что, уловили смысл? Только «голубки», что над Любимовым вились, не на того напали: обкакать - обкакали, а заклевать - дудки! Живой - Любимов, как и герой его спектакля с таким же названием. История многократного запрещения постановки «Живого» по одноименной повести Бориса Можжева весьма образно представлена в книге, являя отражение одной из ипостасей судьбы самого автора.

«Я» - часть биографическая. Начиная с момента крещения маленького Юры. Поразительно, но он запомнил купель и как его в нее окунали. Правда, был он уже не грудным ребенком, чуть подросшим. Хорошо запомнилось раскулачивание деда, состоятельного, исправного хозяина. А потом всяческие притеснения всей семьи: квартирные «уплотнения», аресты отца, матери, тетки, обыски, лишения гражданских прав. Способный мальчик, с раннего детства обнаруживший склонность к театру, Юрий вынужден был поступить в ФЗУ, чтобы рабочей профессией реабилитировать себя - сына и внука «лишенцев». (Для тех,

кто не знает: «лишенцами» в первые десятилетия советской власти стали все состоятельные до революции люди - «буржуи» по-пролетарски. Они были лишены гражданских прав: их не брали на работу, не допускали в высшие учебные заведения, не давали продовольственных карточек, пенсии по старости и т. д.). Об этом периоде жизни Любимов вспоминает не без доли иронии, однако же тоже горькой и жесткой. Но здесь по крайней мере было немало его личных удач: театральные училища - сначала при МХТе Втором, потом при Театре им. Вахтангова, первые роли, принесшие подлинный успех и веру в свое призвание, работа во фронтовом ансамбле в годы войны и снова Вахтанговский театр...

«Мы» начинается с «Доброго человека из Сезуана», а с ним и чересполосица радостей творчества и бешенства от бессилия переломить тупую, злобную мощь партийной идеологической машины. Противостояние «Мы» и «Они» медленно приближается к своему апогею.

«Они» открывается Указом Президиума Верховного Совета от 11 июля 1984 года, лишающим Любимова Ю. П. гражданства СССР «за действия, порочащие высокое звание гражданина СССР». Подписан Указ председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Черненко и секретарем Президиума В. С. Т. Ментешавили. Меньше года продержался К. Черненко на своей верховной должности, а о втором лице, подписавшем этот документ, сама госпожа История вряд ли что-либо знает. Тогда как Юрий Петрович Любимов был, есть и, дай Бог, еще долго будет являть нам пример неутомимого творческого труда и высокого вдохновения.

Конечно, авторский взгляд во многом субъективен. А каким, скажите на милость, он может быть? Книгу писал не летописец Пимен, оставляющий потомкам свои «правдивые сказанья». Ее писал страстный борец, то и дело встающий из нокаута и снова кидающийся в схватку. Зубовный скрежет так и слышится со страниц любимовских воспоминаний. А P.S., обращенные к сыну Петру, как восклицательные знаки, отмечающие наиболее важные и зачастую наиболее болезненные моменты в жизни-борьбе Художника. В них призыв и завещание: прочти, почувствуй, запомни, сын! Они, обращения, относятся и к нам, всем, кто прочел и еще будет читать книгу Ю. Любимова.

Справедливости ради должна сказать и о некоторых оплошностях редакторы. Ответственным за выпуск поименован Александр Проскурин. Редактора как такового вообще не значится. Я безусловно за то, чтобы в любой книге сохранялась авторская интонация, слог, свобода изложения мыслей. Однако же когда на страницы книги переходит сбивчивая, обрывочная, избыточная прямыми повторами диктофонная запись, это не украшает ни книгу, ни самого автора. На такой случай опытная, умная редакторская рука просто необходима и обязательна. Есть обстоятельства, которые нельзя пускать на самотек. Не о правке образа мысли, не о приглушении страстности изложения, а о словесной неряшливости идет речь. Видимо, отсюда же и такие «ляпы», как написание строчными буквами фамилий известнейших режиссеров и театральных деятелей Пискарева и Арто, превратившихся одним росчерком пера из персоналий в театральные жанры наряду с эпическим, мистериальным, политическим и другими театрами (стр. 146.). Мелочи, конечно, но обидно.

А вот отметить прекрасную работу художников Давида Боровского и Семена Бейдермана необходимо: обложка, шрифты, иллюстрации - все строго, просто, выразительно и в полном соответствии с эстетикой Театра на Таганке. Спасибо художникам.

Книга Ю. Любимова очень личностная. Но она не может не захватить любого, взявшего ее в руки. А раз открыл, ее нельзя не прочитать до конца. Она порождение и свидетельство определенной эпохи. Она обжигает. Она стучит в сердце, как пепел Клааса.

Наталья БАЛАШОВА.

УБ